

Молодежь такова, какой ее сформировало и воспитало общество. Ей не откажешь в рационализме и здравом смысле, в добрых намерениях, в желании трудиться за хорошее вознаграждение. В отличие от старших поколений молодежь не испытывает страха перед рыночными преобразованиями в экономике, демонстрирует приверженность традиционным ценностям семейной жизни, материального преуспеяния, она мыслит прагматично и настроена жить и работать в условиях рыночной экономики. Но в то же время молодежь не уверена в завтрашнем дне, поддаваясь господствующим сегодня в обществе чувствам уныния и пессимизма, в полной мере не способна к саморефлексии и реальной оценке собственных сил, не всегда может адекватно реагировать на различные изменения в обществе.

Жалдак Н.Н.
(БелГУ, Белгород)

Классификация терминологических возможностей как метод познания

Полнота классификации – одно из несомненных основополагающих достоинств логической систематизации в научном знании, будь то классификация химических элементов в таблице Менделеева или классификация живого в биологии и т.д.

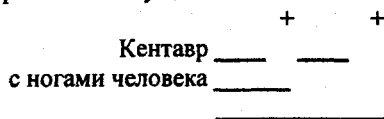
В качестве общенаучного, обеспеченного образными логическими формами этот метод предлагается автором, т.к. в литературе специально не выделяется и поэтому требует пояснений.

Отличительные особенности предлагаемого метода в том, что исходным делимым объемом служит воображаемое множество существующих или несуществующих элементов, которые различаются по сочетанию наличия или отсутствия или видоизменения всех обозначенных терминами признаков. С целью последующего отделения существующих элементов от несуществующих.

По этому методу делается следующее. Выделяются все термины, которыми именуется отличительные признаки обсуждаемых элементов. Сложные термины, если они не образуют идиоматические выражения, разлагаются на простые термины – наименования простых признаков. Если простым термином назван сложный признак, то последний разлагается на простые, и каждый простой признак обозначается простым термином. Выбирается набор существенных для обсуждения простых признаков. Каждый из этих признаков превращается в основание деления (классификации) по наличию или отсутствию этого признака либо в основание деления по его видоизменению. Делению подлежит воображаемое универсальное множество. Рассматриваются все возможные сочетания, в которые включается одно из значений, задаваемых каждым основанием деления. Рассматриваются все грамматически правильные сложные наименования сложных признаков, в которые включаются

ется простое наименование одного из значений каждого простого признака. Отмечается – существует или не существует в действительности, по данным составителя, то, что именуется каждым из таких сложных терминов.

В логике обычно рассматриваются логические и фактические возможности. Однако в процессе приобщения к знанию, выраженному в языке, неизбежно приходится начинать с рассмотрения более широкого класса возможностей. Такое познание начинается с рассмотрения терминологических возможностей. Это – возможности образования сложных терминов (выражений) из простых по правилам грамматики. Только в достаточной степени грамматически правильные выражения имеет смысл далее рассматривать для того, чтобы выяснить обозначают они или не обозначают нечто реально существующее, так как грамматически неправильные – это просто бессмысленные выражения. Указанная исходность терминологических возможностей хорошо доказывается последовательностью действий при построении диаграмм отношений между понятиями с изображением пустых множеств, т.е. диаграмм Венна, Макфарлайна, линейных диаграмм, предложенных автором, и т.п. До проставления знаков существования или несуществования на таких диаграммах составляется матрица наличия или отсутствия всех грамматически правильно сочетающихся обозначений обсуждаемых признаков. При последующем проставлении указанных знаков далее выясняется, что из названного – может быть, а чего не может быть (невозможно), и – что есть, а чего нет фактически. Логически невозможное не существует. То, что логически возможно, может фактически быть или не быть. Понятие о кентавре может рассматриваться как понятие о логически возможном, хотя о несуществующем, а понятие о кентавре с ногами человека – это такое понятие о несуществующем, которое к тому же логически противоречиво. Далее может встать вопрос о том, не будет ли и само понятие кентавра признано фактически невозможным, именно потому, что в его собственном содержании будет раскрыто логическое противоречие. Не проявляется ли в познании вообще фактическая невозможность как логическая? В конце концов, это может быть противоречие между допущением о существовании обсуждаемого предмета и утверждением о факте его несуществования.

Оказывается, что выражение «перебор всех возможных сочетаний наличия или отсутствия обсуждаемых признаков» неправильно по отношению к построению досвязочной (исходной, постоянной или т.п.) части таких линейных диаграмм. На этих диаграммах пустота некоторого множества отмечается именно потому, что такое сочетание признаков является даже логически невозможным ввиду противоречивости. Тем самым ставится вопрос о том, как назвать то более широкое множество возможностей, которое делится на логически возможное и логически невозможное. В действительности при построении таких диаграмм речь должна идти о переборе всех возможных граммати-

чески правильных сочетаний, в которые включаются все наименования обсуждаемых признаков без отрицания «не» или с отрицанием. В своем роде это – логические возможности, а именно логические возможности терминообразования, образования сложных терминов из простых. Поэтому, хотя ранее (в «Практической философии») этот метод был назван методом исследования логических возможностей, сейчас мы считаем целесообразным назвать его методом классификации терминологических возможностей.

Применение этого метода позволяет избежать неполноты рассмотрения универсума (множества всех обсуждаемых элементов). Во многих случаях такой перебор всех терминологических возможностей позволяет выявить то, что действительно существует, но либо не было обнаружено, либо не получило должного названия. Собственно говоря, в этом случае орудием познания выступает язык.

Всякий автор, вводя в научное рассуждение некоторый термин, имеющий значение, указывает основание для деления всего обсуждаемого на то, что обозначается этим термином, и то, что не обозначается им. Практически невозможно, чтобы он установил отношение объема этого термина с объемами всех прочих терминов, которыми оперирует он сам, его дисциплина и тем более наука в целом. Далеко не все разновидности того, что обозначено введенным термином, учитываются сразу. Более того, и установка на такой учет, во-первых, в большинстве случаев отсутствует и, во-вторых, не может быть реализована сразу. Поэтому простор для применения предлагаемого метода классификации возможностей – огромный.

Между формальным признанием логической доказательности, логической систематизированности любого научного знания и фактическим использованием возможности реально построить диаграммы отношений между терминами по их смыслу и значению как бы стоит барьер, который редко преодолевается. Применение предлагаемого метода для преодоления этого барьера, означает не отрицание своих предшественников, а продолжение установления системных связей между теми терминами, которые введены ранее. Ссылка на это может пригодиться тем, кто возьмется применять предлагаемый метод и получит результаты, которые существующая парадигма принимает с трудом или вообще отказывается принимать. Конечно, рассматриваться могут и новые наименования оснований для различения, могут вводиться гипотетические основания.

Слова имеют больший смысл и значение, чем те, которые осознаются говорящим. Это давно отмечалось при анализе поэтических текстов. Однако не помнится, чтобы это говорилось и о научных текстах. А между тем указанное расхождение имеется и в научных текстах. Естественный язык – результат многовекового творчества народа. Допустим, употребляется речевой оборот «материя отображается нашими ощущениями». По этому поводу можно отметить, что естественный язык изящно суффиксами выражает то, что иногда не способен последовательно выразить и весьма производительный ум. Материя – отображаемое, мозг – отображающее, ощущения – отображение. Назвать ощущения отображающими, это все равно, что подменить

зеркало отражением в зеркале. Притом, если это делается, например, в контексте критики субъективного идеализма, согласно которому по сути «ощущения ощущают ощущения», то получается: что критикуешь, то и говоришь, так как отображать в форме ощущения значит ощущать.

Почему слово может иметь те смыслы или значения, которые не осознаются человеком?

Общеизвестна ситуация, мы выбираем подходящее слово, в памяти выплывает одно – мы осознаем, что оно не подходит, второе – опять не подходит, наконец, третье – подходит. Работа мозга по переработке информации при этом остается бессознательной. Если мы даже и попытаемся осознать этот процесс, то никогда не сможем сделать это полностью. Подходящей может быть аналогия с компьютером: сознание относится к психике, как изображение на экране монитора ко всему процессу – получение, запоминание, переработка, вывод информации на экран и т.д. в компьютере.

Учитывать ли то, чего не осознает сам говорящий или пишущий, корректно ли осуществлять такой учет? Ведь это приписывание того, что говорящий как бы не имел в виду. Однако научно некорректными могут быть только ложные суждения: если автор текста не осознает чего-то, а ему приписывается осознание этого. Научная оценка, как в положительном, так и в отрицательном смыслах (критика), должна пытаться выявить не только осознаваемое, но и неосознаваемое.

Мышление есть процесс логической переработки информации в мозгу. Сознание полностью фиксирует лишь высказанную мысль, а мысленное обоснование высказывания восстанавливается не полностью. Наука же не может пренебрегать всем возможным обоснованием своих выражений, т.е. терминов и высказываний. Науке нужен полный ответ на вопрос: «Почему сказано или должно быть сказано именно так, а не иначе?».

Сама процедура формализации языка науки предполагает допустимость терминотворчества, подбора терминов для именованя множеств элементов. Некоторая свобода в этой деятельности может пониматься как свобода приписывать словам свои значения. Позиция творца языка науки в такой ситуации – что я хочу, чтобы слово значило, то оно и значит. Иногда тот или иной субъект или группа субъектов до чрезвычайности упрямо отстаивают то, что приписывают сами. В чем недостаток такой позиции? В том, что субъект не считается с другими. Язык является средством общения. Среди народа есть незначительный процент волевых творцов значений и смыслов, народ же в основной массе доверчив к языку, слово для него имеет объективно данные смысл и значение, он пытается уловить и сохранять их. Специалисты же из тех или иных областей науки приписывают словам свои смыслы и значения.

Когда и где такое приписывание делалось научно обоснованно и в каком-то смысле правильно? Это проблема для серьезного социолингвистического исследования. Специалисты страдают профессиональной ограниченностью, народ – не страдает.

В трактовке того, что не осознал тот, кто употребил выражение, может усматриваться простор для произвола. Однако, во-первых, речь не идет о том, чтобы вменять что-либо автору, а, во-вторых, произвол должен жестко ограничиваться тем, какие значение и смысл придаются выражению социальной группой, к которой принадлежит употребивший выражение, или просто большинством людей. Любой специализированный язык вторичен по отношению к естественному языку, который является базовым языком мышления.

Возьмем в качестве примера терминологические возможности, которые открываются примерами классификации видов мышления. Часто называют три вида мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое. Поскольку указано слово, т.е. один вид знаков, значит, следует рассмотреть виды мышления, оперирующие всеми возможными видами знаков. Логической может быть переработка не только словесно передаваемой информации, так надо рассмотреть образное «логическое» и «нелогическое» мышление и т.д.

Другой пример – классификация рассуждений. Она может идти по следующим основаниям: 1) по тому, направлено ли рассуждение от основания к следствию или от следствия к основанию; 2) по тому, считает рассуждающий основание истинным или ложным; 3) по тому, считает рассуждающий следствие истинным или ложным; 4) истинно или ложно основание в действительности; 5) истинно или ложно следствие в действительности и др. Отсюда 2^{5+х} разновидностей рассуждений. Среди них все разновидности объяснения и опровержения и т.д., и все они заслуживают рассмотрения на предмет существования и полезности.

Ларин Е.И.
(БелГУ, Белгород)

Рациональное и нерациональное в революционной теории и практике марксизма

Рациональное и нерациональное, как частный случай иррационального, отличаются друг от друга глубиной проникновения человеческого сознания в объективный мир. На уровне рационального господствует разум, логика, точный расчет. На уровне нерационального – чувства, эмоции, эмпирия. На этом уровне сознания взгляд как бы скользит по поверхности вещей, не добиваясь до их сути. Здесь до ошибки – один шаг. Правда, и на уровне нерационального, эмпирического мышления с помощью воображения и интуиции можно стихийно прийти к истине. В то же время и в теоретических рассуждениях можно крупно ошибиться, если ввести в ткань рационального нерациональные моменты. Подобно компьютерному вирусу, они могут исказить или вовсе разрушить логическую систему, привести к неверным выводам и обобщениям. Вся сложность заключается в том, что мы не всегда можем четко определить границы рационального и нерационального. То и другое нередко составляют